

Киноэкран Арабского Востока: проблема радикального ислама

А.С. Шахов

доктор искусствоведения, кандидат исторических наук

В статье обосновываются процессы отражения на киноэкране ряда арабских стран идеологии радикального фундаментализма, его попытки самоутвердиться на Арабском Востоке, что ставит судьбы простых людей на грань существования, оказывает негативное влияние на мирное сосуществование государств в мире.

АННОТАЦИЯ УДК 778.5(Араб.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Арабский Восток, кинематограф, исламский радикализм, Ямина Башир, Марван Хамид, Нури Бузид, Наджат Анзур

¹ Автор статьи был одним из участников этого кинофестиваля. — Прим авт.

Главный объект экстремистской деятельности «борцов за чистоту ислама» — страны Ближнего Востока и Северной Африки. Им противодействуют сегодняшние военные власти Египта, с 2011 года с радикальным фундаментализмом сражается Сирия, с некоторым опозданием против него начал бороться соседний Ирак. В 1991–2002 годах противостояние религиозному фанатизму унесло в Алжире сотни тысяч человеческих жизней. Разговор о том, как арабские кинематографисты трактуют это опасное для всего человечества явление, представляется важным и давно назревшим.

Алжир

В 2003 году большим откровением для участников XIX Международного кинофестиваля стран Средиземноморья¹, проходящего в Александрии (Египет), явилась созданная при поддержке Франции алжирская игровая кинолента режиссера-женщины Ямины Башир «Рашида» («Рашида», 2002). Единодушным решением международного жюри ей был присужден почетный приз лучшего режиссерского дебюта.

Героиня кинофильма — Рашида, находящаяся в разводе молодая школьная учительница. Отказываясь ходить по улицам алжирской столицы в хиджабе, она непрерывно получает анонимные угрозы и предупреждения. Однажды, по дороге на работу, ее неожиданно берут в тесное кольцо молодые религиозные фанатики и ультимативно требуют пронести в тщательно охраняемую школу имеющееся у них взрывное устройство с часовым механизмом. Встретив решительный отпор, экзальтированные преступ-

ники, среди которых оказывается и один из ее учеников, стреляют женщине в живот, решив таким изуверским способом «проучить» «потерявшую стыд и совесть неисправимую вероотступницу».

Чудом оставшаяся живой, после сложнейшей операции и интенсивного лечения в госпитале Рашида пытается найти спасение у своих родственников в отдаленном провинциальном городке. Но и там, она оказывается в круговерти исламистского экстремизма, чьи вооруженные адепты держат в постоянном страхе всю округу, творя каждый день насилие, безжалостно уничтожая всех, кто их ослушивается. В том числе и детей, посещающих занятия в местной школе, куда, невзирая на опасность, устроилась работать мужественная Рашида, верная своему профессиональному долгу.

Напряженная социальная действительность Алжира периода 1990-х годов предстала на киноэкране проникновенно, правдиво,

убедительно. Фильм не только эмоционально и доказательно передал ощущение хрупкости и уязвимости человеческой жизни, но и стал в условиях трагических испытаний, выпавших на долю алжирцев, открытым призывом к национальному примирению, сохранению жиз-

неутверждающих идеалов добра, людского взаимопонимания, не допущению возврата к косным традициям Средневековья.

Кадр из фильма
«Рашида» (Алжир)
(www.kinopoisk.ru)

Египет

В 2006 году кинематограф Египта, наиболее влиятельный и развитый в кинопроизводственном отношении на Арабском Востоке, выпустил высоко бюджетную кинокартину молодого режиссера Марвана Хамида «Дом Якобиана» (Имарат Якобиан), номинированную на «Оскар». В основе сюжета — одноименный роман национального писателя Аля Аль-Асуани, получивший широкий резонанс среди читающей египетской публики.

Рассказывая историю большого дома, построенного в центральной части Каира во времена короля Фарука (1936–1952), египетским кинематографистам удалось выразительно и проникновенно охарактеризовать не только сложившиеся по-разному судьбы его обитателей, но и нарисовать панораму общественной

и нравственной ситуации в стране, вскрыть социальные противоречия на последнем этапе многолетнего правления президента Хосни Мубарака.

Один из центральных образов киноленты — Таха, сын полуниског изгоя-привратника. Окончив с отличием среднюю школу, он, по египетскому законодательству, получает право на бесплатное высшее образование в любом вузе страны. Однако избрав Офицерскую школу полиции, Таха сталкивается с тем, что чванливые экзаменаторы, облаченные в сверкающие мундиры, отлично понимают, что скромно одетый юноша принадлежит к «низшему» сословию и, не сговариваясь, предлагают неудачливому абитуриенту подобрать другое учебное заведение, «не менее престижное». Наблюдая затем в Каирском университете праздную жизнь богатых однокурсников, молодой человек узнает о растлении похотливым владельцем магазина его возлюбленной девушки Бусейны. В итоге, не находящий себе места вчерашний школьник довольно скоро попадает в поле зрения активистов подпольной исламистской организации «Братья-мусульмане», которые, как ему кажется, совершенно бескорыстно предлагают крайне необходимую в его ситуации «моральную и материальную поддержку». С их подачи Таха становится горячим поклонником фанатика-шейха. Отвергая кораническую заповедь «Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражался с вами, но не преступайте» (Коран, 2:190), тот истерично агитирует в своих проповедях уничтожать всех без исключения «вероотступников» и «неверных». В результате некогда мечтавший о другой жизни юноша оказывается за границей, проходит подготовку в лагере исламских боевиков, встает на путь террора и погибает в перестрелке с агентами египетских служб национальной безопасности.

Кадр из фильма «Дом Якубиан» (Египет)
(www.kinopoisk.ru)

Здесь важно подчеркнуть, что, помимо эмоциональной выразительности сюжета, в кинофильме Марвана Хамида, полифоничном по идейному и нравственному послы, отчетливо выявляются признаки притягательности экстремистских идей в молодежной среде. Прежде всего среди тех, кто оказались париями в родной стране, и потому решивших самореализоваться в «чистом исламе», чтобы отомстить обществу, выбросившему их на обочину жизни.

Тунис

Террористическая атака 11 сентября 2001 года на США (15 из 19 боевиков-смертников являлись гражданами Саудовской Аравии) и последовавшее затем вторжение американских войск в Ирак стимулировали оживление старых и распространение новых очагов исламизма. В Тунисе данная проблема стала предметом серьезных аналитических раздумий режиссера Нури Бузида, выпустившего в 2006 году кинокартину «Последний фильм» (Ахир фильм), с успехом демонстрировавшуюся в зарубежном прокате как “Making off”. Тогда же на Международном кинофестивале стран Африки и Арабского Востока, проходившем в Карфагене, эта кинолента была удостоена главного приза «Золотая Танита» в номинации «Лучший полнометражный фильм». Уместно добавить, что спустя пять лет, в 2011 году, на Каннском международном фестивале, министерство культуры Франции вручило этому арабскому кинематографисту Орден Почетного легиона.

Фильм рассказывает о жизненных перипетиях молодых людей нынешнего времени. В сторону порта с тележкой-рикшей движется группа парней, среди которых выделяется спортивного вида Бахта. Забравшись на паром, он кокетничает с симпатичной девушкой Суад, а затем, сойдя на берег, бросает клич, и вся улица переходит под управление его компании. А буквально через минуту стены в подземном переходе покрываются цветными граффити. Подтягивается и другая группа молодежи. Начинается азартное состязание по хип-хопу, рэпу, фристайлу. Прибывшая полиция доставляет «нарушителей» в участок — только за граффити им грозит шесть месяцев заключения. Дежурный офицер с издевкой заявляет Бахте: ты никогда не служил в армии, и потому ты не мужчина. В ответ ершистый арестант предлагает выдать ему полицейскую форму, тогда он тоже станет мужчиной. Но «непутевому» уличному танцору нечего делать в рядах блюстителей порядка.

Выйдя на свободу, Бахта, тем не менее, заявляет о своем желании побыстрее оказаться на войне в Ираке. Дома он предлагает матери, не способной ударить сына, слегка подражаться, подтрунивает над дедом, скрупулезно пересчитывающим деньги, накопленные «для одной молодой леди»: дескать, жениться можно в любом возрасте. Что касается отца, работающего таксистом, то с ним у Бахты, не знающего, что такое работа, — полный разлад. Вот и своей девушке, Суад, киногерой предлагает отказаться от карьеры певицы, требуя не встречаться с музыкальным импресарио. Но она ничего дурного не видит в уроках пения и советует ухажеру оставить «никому не нужные танцующки», подыскать себе более достойное занятие.

Вскоре в мыслях и поступках Бахты действительно начинают происходить судьбоносные перемены. Зайдя в кафе и просматривая с друзьями телевизионные новости, он оказывается во власти проблемных вопросов, к которым, так или иначе, подводит телеведущий. Разве судьба арабов сводится только к покорности и унижениям? Когда же настоящие герои выйдут из подполья? Ведь разные цивилизации стремились покорить Багдад, но все их попытки с позором и треском провалились... И под впечатлением увиденного и услышанного, разгоряченный Бахта призывает и тунисцев «поднять головы» во имя национального самосознания. Он настолько возбужден этой идеей, что не видит преград. Даже отец не в состоянии его остановить... Но в полиции Бахту упрекают в провокационных играх с национальными чувствами арабов. В Тунисе и без того у людей множество проблем, забот.

Напросившись переночевать к двоюродному брату, работающему в полиции, Бахта похищает его полицейскую форму и заявляется в ней в кафе. Он болтает невесте о чем: о данном, якобы, ему праве арестовать любого, мол, у каждого есть шанс угодить в тюрьму, обещает выдать всем паспорта и визы в Европу, где без труда можно найти белокурых девушек, жениться на них... Но похищенный мундир это уже не прежние хулиганские проступки, теперь Бахте придется отвечать по закону. И быстро переодевшись в гражданскую одежду, он скрывается в лабиринтах городских трущоб, осознавая, что блюстители порядка возьмутся теперь за него всерьез...

Происходят у него и встречи, полностью изменившие жизнь. Как-то, во время свидания с Суад, к беглецу подошли двое неизвестных бородатых человека, предложив надежное и безопасное убежище. После длительного пути на поезде Бахта оказывается в ничем не примечательном доме человека по имени Шукри. Тот обещает ему помочь, но взамен требует распрощаться с дурными привычками и выполнять его приказы, поясняя, что чтобы стать уважаемым и свободным, нужно научиться полезному ремеслу. Аллах дал людям руки, чтобы работать, а не деградировать. Накормив и разделив с Бахтой воду и соль, Шукри называет его своим сыном, вручает крупную сумму денег и призывает, как в далеком детстве, возобновить молитвы.

И вдруг экранное правдоподобие рушится: действие перебрасывается в реальность — на съемочную группу, впавшую в недоумение. Главный персонаж фильма настаивает на безотлагательном разговоре с кинорежиссером Нури Бузидом. Ведь его, Лутфи, пригласили исполнять современные молодежные танцы, а он вынужден общаться с какими-то фундаменталистами, считающими

его любимые рэп и фристайл грехом! С немалым трудом после уговоров съемки удастся продолжить...

И снова на экране сюжет фильма. Постепенно Бахта проникается идеями Шукри о том, что Запад преследует корыстные цели, не собирается учитывать интересы ислама и, внедряя чуждую идеологию, безнаказанно грабит мусульманские земли. Поэтому необходимо поддерживать братьев по вере всем, чем только возможно.

Опять проводится оттеняющая и одновременно дополняющая значимая параллель между киносъемками и реальной действительностью. Исполнитель роли Бахты снова протестует и вызывает на разговор режиссера, чтобы тот объяснил ему свой замысел. Кинематографисты, с его точки зрения, ведут очень опасную игру. Ведь нельзя показывать ислам с дурной стороны! Происходит трудный разговор с автором фильма, который говорит, что непосредственно перед съемками перечитал Коран дважды на арабском и французском языках. Тот, кто хочет найти в нем мир и любовь, непременно их там найдет. Когда же агрессия и насилие происходят в реальности, тогда Коран способен превратиться в инструмент войны. Борьбаться против иноземной оккупации следует политическими средствами, а не под знаменем ислама. Он, кинорежиссер, является мусульманином и нисколько этого не стыдится. Людям не надо политизировать ислам, равно как иудаизм и христианство... Актер-любитель Лутфи, тем не менее, сопротивляется, потому что по мере развития сюжета от безобидных танцев перешли к теме терроризма, игнорируя его далекие от фундаментализма личные убеждения. В свою очередь постановщик очень рад тому, что страхи и сомнения Бахты передаются впервые снимающемуся в кино исполнителю.

Шукри подводит Бахту к мысли о том, что война и самопожертвование — единственный способ открыть врата рая. Причем не только для себя, но и для матери, всех его родственников. Обуреваемый сомнениями и уйдя из дома «мудрого наставника», юноша

замечает на улице Суад, сядящую вместе с импресарио в машину. Охваченный чувством ревности, он бежит за ними и, выхватывая нож, прогоняет испуганного «ухажера», жестоко избивает не носящую на голове платка «греховодницу». После случившегося он воз-

Кадр из фильма
«Последний фильм»
(Тунис)
(www.kinopoisk.ru)

вращается к Шукри. Тот отвозит «блудного сына» в мастерскую, где прежде был винный завод, строго-настроено приказывает ничего не делать без его одобрения. Двери новой обители, напоминающей тюремные застенки с крепкими решетками, наглухо закрывают на замок. Периодически в узилище передают корзины с едой. В одном из секретных схронов узник обнаруживает пояс смертника, надевает его, стрижет голову, отпускает бороду.

Выбравшись через потайной лаз на свободу, Бахта едет к матери и, заявляя о твердом решении умереть «мучеником», просит благословения. Встретив решительный и «бессердечный» отказ, уходит. Шокированная мать посылает за племянником-полицейским и сообщает о произошедшем Суад. Та с трудом находит в окраинных городских трущобах молодого человека, решившего «войти в рай». Она пытается отговорить его от задуманного, но тщетно.

В поясе смертника «герой-мученик» идет на «святое дело». По пути он замечает одного из тех бородачей, которые когда-то отвезли его к Шукри. И здесь приходит прозрение. Переосмыслив страшные последствия своего преступного плана, Бахта в иступлении набрасывается на негодея, делающего вид, будто они не знакомы, сбивает его с ног, начинает бить. Мимо проезжает полицейская патрульная машина. Спасаясь от ареста, Бахта устремляется в сторону порта, сюда же прибегают Суад, друзья несостоявшегося террориста. Внезапно раздается роковой взрыв — Бахта гибнет. Как и в начальных кадрах кинофильма, с тележкой-рикшей и по той же пыльной дороге грустно бредут приятели погибшего и вместе с ними — потерявшая своего возлюбленного Суад. С экрана символично звучит проникновенная, берущая за душу песня-призыв: «Страна моя, будь тем, чем хочешь. Но будь для меня!».

Сильной стороной киноленты стала, прежде всего, глубина психологической обрисовки главного персонажа, ясно отобразившая основную суть режиссерского замысла. Канва фильма как бы пропитана личной драмой Бахты — представителя молодого поколения. Его жизненные поиски, приведшие в никуда, словно зеркальное отражение нерешенных злободневных проблем, связанных с новым этапом существования и развития современного тунисского общества.

Сирия

Выпущенный в 2013 году в Сирии историко-биографический кинофильм Наджата Анзура «Король песков» (Малик ар-римал) вызвал резко негативную реакцию правящей династии Королевства Саудовской Аравии. Сам же режиссер кинофильма руководствовался тем, что при изучении и анализе проблем терроризма

невозможно отделить от него 25-ти тысячное семейство Саудитов, насчитывающее более 200 принцев. В противном случае истина, по его мнению, оказалась бы изрядно извращенной, оторванной от подлинных фактов. Стоит заметить, что несмотря на потерю Си-

Кадр из фильма
«Король песков»
(Сирия)
(www.kinopoisk.ru)

рией кинорынков стран Персидского залива, кинокартина Наджата Анзура «Король песков» и раньше вряд ли могла бы претендовать на широкий показ в Саудовской Аравии. В основанном Ибн Саудом ваххабитском государстве, равно как и в союзных соседних «нефтяных монархи-

ях», весьма далеких от достижений и традиций западной культуры, число стационарных кинотеатров крайне ограничено и сегодня.

Кинокартина рассказывает о перипетиях взлета на вершину власти жившего в изгнании эмира Абдель Азиза, больше известного под именем Ибн Сауд. Не без поддержки англичан в период с 1902 по 1926 год ему удалось отвоевать земли не только предков, но и присоединить к ним значительную часть Аравии. В том числе — священные для мусульман города Мекку и Медину, запретные для посещения представителями других религиозных конфессий.

Опираясь на исторические факты, политически ориентированный кинофильм воссоздал коварство, террор и нечеловеческую жестокость, проявленные Ибн Саудом при захвате Эр-Риада (1902) и последовавшее затем изуверское уничтожение религиозного военного ополчения ихванов, что сыграло ключевую роль в превращении недавнего изгоя-эмигранта в полновластного правителя преобладающей части Аравийского полуострова. Передавая специфику ваххабитского движения и его корни, кинокартина рассказывает о союзнических взаимоотношениях основателя Саудовского королевства и спецслужб Великобритании, стремившейся «через верного протеже» активизировать свою колониальную экспансию в стратегически важном регионе Ближнего Востока.

Роль Ибн Сауда — молодого и старого — сыграли итальянские актеры Марко Фоски и Фабио Тести. Роль сэра Гарри Филби, принявшего ислам и ставшего советником Ибн Сауда под именем шейха Абдаллы, сыграл известный британский актер Билл Феллоуз. Кстати, Гарри Филби — отец советского разведчика, полковника КГБ Кима Филби.

Члены саудовской королевской семьи, исповедующие ретроградскую идеологию ваххабизма, предприняли попытку «нейтрализовать» фильм, выкупив его за немалые деньги через своих агентов. Двенадцатый сын Ибн Сауда, принц Талаль бин Абдуль-Азиз, проживающий в Каире и пользующийся репутацией главного «либерала» в династии саудинов, делегировал в Дамаск специального курьера, поручив ему склонить президента Башара Асада снять фильм с показа.

Данный свой шаг принц Талаль попытался объяснить соображениями о том, будто Саудовская Аравия давно и незаслуженно является невинной жертвой тенденциозных кампаний в зарубежных средствах массовой информации. В то же время, по мнению высшего саудовского руководства, ни иностранные СМИ, равно как и «клеветнический» фильм «Король песков» не в состоянии подорвать незыблемый авторитет королевства в арабском и исламском мире, а постановка Наджата Анзура будет в конце концов выброшена на свалку истории и забыта.

В Сирии же, несмотря на опасные для жизни частые артиллерийские и монометные обстрелы, люди с энтузиазмом устремились в кинотеатры, чтобы увидеть публицистически острый и в значительной мере познавательный фильм Наджата Анзура, сына одного из пионеров национального кинематографа Исмаиля Анзура.

Так, в противостоянии современному религиозному экстремизму своими фильмами (к сожалению, мало известными российскому зрителю) посылно участвуют кинематографисты Ближнего Востока и Северной Африки. Их работы — своеобразный сейсмограф и в то же время актуальный комментарий к непростым, часто трагическим событиям в арабском мире, которые не могут не волновать многомиллионную зрительскую аудиторию этого обширного региона, не могут они не вызывать человеческого сочувствия и у нас, граждан России. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коран / пер. и комментарии И.Ю. Крачковского; 2-е изд. — М.: Наука, 1986. — 730 с.*
2. *Ислам. Энциклопедический словарь. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 315 с.*
3. *Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. — М.: Изд-во Московского университета, 2008. — 512 с.*

REFERENCES

1. *Koran [Koran]. Perevod y Commentarii Y.Y. Kratchkovskogo. 2-Izdanie. — M.: Nauka, 1986. — 730 p.*
2. *Islam [Islam]. Encyclopedichesky slovar. — M.: Nauka. Glavnaya redactsia vostochnoy literatury, 1991. — 315 p.*
3. *Vydiassova M.F., Orlov V.V. Politichesky islam v stranakh Severnoy Afriki [Political Islam in the countries of North Africa]. — M.: Izdatelstvo Moscovskogo Universiteta, 2008. — 512 p.*

Cinema of Arabic East: the Problem of Radical Islam

Anatoly S. Shakhov

Doctor in Arts, PhD (History)

UDC 778.5I(Arab.)

ABSTRACT: Nowadays a rapid metamorphosis not only in the Islamic world, but in the whole world civilization takes place. After the “Arab coup”, presented by the Western media as “the Arab Spring”, Islamic fundamentalism, which indiscriminately rejects other forms of the human community, has reached the “civilized states” of Western Europe. However, the Muslim countries of the Middle East and North Africa has been and remain the main object of the extremist activity of the so-called “fighters for the purity of Islam”. Egyptian military authorities are fighting today with the international terrorism, considering “Muslim Brotherhood” as a deadly enemy. Syria is fighting desperately against Islamist radicalism, which has concentrated the impressive forces since 2011. The official authorities of Iraq and its army also have begun to struggle against it with some delay. In 1991–2002 the confrontation with religious fanaticism had taken away hundreds of thousands human lives in Algeria. In the context of the tragic events taking place in the Arab world, the considering of the way Arab filmmakers treat this extremely dangerous phenomenon seems relevant and long overdue.

The article deals with the feature films *Rashida* by Yamiina Bashir (Algeria), *House Jacobian* by Marwan Hamid (Egypt), *Making off* by Nouri Bouzid (Tunisia) and the *King of the Sands* by Najjat Anzour (Syria), showing the criminal ideology and practice of today's Islamic fundamentalism. These movies caused a wide resonance not only in the Arab world, but also far beyond its borders. Each of these films truthfully, objectively and keenly reveals the peculiarities of the emergence of contemporary ideas of Islamic radicalism, especially among the younger generation. The author also considers different approaches of filmmakers to the evaluation of the phenomenon of the so-called “pure Islam” in relation to the Middle East and North Africa.

KEY WORDS: Arab East, cinema, Islamic radicalism, Yamiina Bashir, Marwan Hamid, Nouri Bouzid, Najjat Anzour